

Е. Е. Реморова

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

e.remorova@gmail.com

**ПЕРЕВОДЫ ЧЕТВЕРОЕВАНГЕЛИЯ,
ВЫПОЛНЕННЫЕ В. А. ЖУКОВСКИМ И К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВЫМ:
ДВЕ РЕАЛИЗАЦИИ ОДНОГО ПОДХОДА**

Статья посвящена сопоставительному анализу переводов Четвероевангелия, выполненных В. А. Жуковским (1844–1845) и К. П. Победоносцевым (1906). К моменту создания рассматриваемых текстов уже существовали переводы на русский язык Нового Завета: перевод Российского библейского общества (1823) и Синодальный перевод (1876). Жуковский и Победоносцев создают каждый собственный вариант перевода, так как существующие тексты не удовлетворяют их прежде всего с точки зрения степени следования традиционному церковнославянскому тексту. Оба автора стремятся максимально приблизить русский текст к церковнославянскому, и обоим переводам присуще обильное использование церковнославянизмов, употребление фонетических, морфологических, синтаксических особенностей церковнославянского текста. Однако указанные особенности по-разному реализованы обоими авторами: они используют различный набор церковнославянизмов; Победоносцев употребляет особую форму будущего времени со вспомогательным глаголом *иметь*, строго следует порядку слов церковнославянского текста; Жуковский использует специфические окончания косвенных падежей, оборот *дательный самостоятельный*. Говоря в целом о языке переводов, можно заключить, что Жуковский, ориентируясь на церковнославянский оригинал, творчески подходит к тексту своего перевода: использует собственный порядок слов, создает особые церковнославянизмы, заменяет употребленную в оригинале лексику на синонимичную; Победоносцев же, напротив, строго следует церковнославянскому тексту, изменяя его только там, где нарушается критерий понятности и нормативности.

Ключевые слова: Новый Завет, перевод Победоносцева, перевод Жуковского, церковнославянский язык, церковнославянизм, русский литературный язык.

В. А. Жуковский (1783–1852) и К. П. Победоносцев (1827–1907) известны в разных областях культурно-социальной жизни России: Жуковский прежде всего знаменит как поэт, один из основоположников романтизма; Победоносцев – как государственный деятель, обер-прокурор Святейшего Синода. Однако многие черты их личной и творческой биографии удивительно схожи. Оба они как люди высоко образованные, всесторонне развитые и имеющие активную гражданскую позицию, были воспитателями наследников престола (Жуковский – Александра II, Победоносцев – Александра III и Николая II); оба оставили после себя богатое публицистическое, эпистолярное наследие; оба переводили на русский язык произведения классических и современных европейских авторов [Глинский, 2004. С. 19; МСЭ, 1929. С. 187–188]. Кроме того, и Жуковский, и Победоносцев к концу жизни создали свой вариант перевода на русский язык книг Нового Завета.

Реморова Е. Е. Переводы Четвероевангелия, выполненные В. А. Жуковским и К. П. Победоносцевым: две реализации одного подхода // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2016. Т. 15, № 9: Филология. С. 140–147.

В. А. Жуковский работал над переводом в 1844–1845 гг., труд был опубликован только в 1895 г. в Берлине [Алексеев, 2002. С. 156], перевод К. П. Победоносцева, над созданием которого автор трудился последние несколько лет жизни, был опубликован в 1906 г. Следует сказать, что именно по инициативе Победоносцева осуществилось, хоть и маленьким тиражом, издание перевода Жуковского, и обер-прокурор использовал его при работе над своим переводом [Долгушин, 2008. С. 442]. В 2000-е гг. оба труда были переизданы и введены в научный и культурный оборот ¹.

Ко времени создания рассматриваемых трудов уже существовали изданные переводы Нового Завета на русский язык: в 1823 г. был опубликован перевод Российского библейского общества (РБО), а в 1876 издан полностью Синодальный перевод [Алексеев, 2002. С. 156]. Таким образом, Жуковский в качестве одного из источников использовал перевод РБО [Долгушин, 2008], а Победоносцев – Синодальный перевод [Алексеев, 2002].

В предисловии к своему переводу Победоносцев объясняет причину создания собственного варианта русского текста: «Необходимо продолжать эти опыты, доколе мы не получим перевод на языке, достойном славянского подлинника, на языке, который не тревожил бы уха знакомого с гармонией церковного чтения» [Победоносцев, 1906. С. II]. Схожая мотивация была, видимо, и у Жуковского: по утверждению А. А. Алексеева, «перевод с большой точностью следует за слав. текстом и лишен претензий на самостоятельную интерпретацию Нового Завета» [2002. С. 156]. Итак, оба автора решают задачу по созданию достойного в стилистическом отношении языка перевода Священного Писания в максимальном сближении с церковнославянским текстом. Мы выделили следующие особенности, характерные для обоих переводов и обусловленные указанным основным общим подходом, и рассмотрели, каким образом каждый автор реализует их в своем труде.

Обильное использование лексических славянизмов

Можно выделить группу лексем, заимствованных без изменения из церковнославянского текста, которые употребляются обоими авторами:

Одесную, ошую (Мф. 25, 33), *горше* (Мф. 27, 64), *оставлять (грехи)* (Лк. 5, 21), *недуг* (Лк. 5, 15), *одр* (Лк. 5, 18), *разуметь* (Ин. 10, 6), *тать* (Ин. 10, 8), *не обинуясь* (Ин. 7, 26), *потщися* (Лк. 12, 58), *в сретение* (Мф. 25, 6), *знамение* (Ин. 7, 31), *вечеря* (Ин. 12, 2) и др.

Следующие лексемы оба автора считают непонятными и переводят их ²:

Мк. 3, 30 *занѣ* / ПКП *поелику* / ПЖ *понеже*; Мк. 16, 4 *ѣѣлѣ* / ПКП *очень* / ПЖ *весьма*; Мф. 25, 15 *аѣбіе* / ПКП *затем* / ПЖ *скоро потом*; Мф. 27, 23 *ѣзлѣхѣ* / ПКП *крепче* / ПЖ *сильней*; Ин. 10, 24 *ѣбыдѣша* / ПКП *окружили* / ПЖ *окружили*; Мф. 27, 50 *пѣки* / ПКП *снова* / ПЖ *опять*; Ин. 10, 13 *ѣкѣ* / ПКП *поелику* / ПЖ *поелику*; Лк. 12, 31 *ѣбѣѣ* / ПКП *паче же* / ПЖ *лучше*.

Особого внимания заслуживают те случаи, когда представление авторов о понятности того или иного слова либо словосочетания не совпадает.

Например, Победоносцев вслед за церковнославянским текстом сохраняет такие лексемы: *вскую* (Мк. 15, 3), *(раб) неключимый* (Мф. 25, 30), *ловитва* (Лк. 5, 4), *алкать* (Ин. 6, 35). Жуковский переводит данные лексемы: *почто*, *(раб) бесполезный*, *лов*, *быть голодным*. В свою очередь, Жуковский сохраняет без перевода следующие слова: *юг* (в значении *южный ветер*) (Лк. 12, 55), *мрежи* (Лк. 5, 5–6), *кошница* (Ин. 6, 13), *на он пол (моря)* (Ин. 6, 1), *медница* (Лк. 12, 59). Победоносцев переводит такие лексемы: *южный ветер*, *сети*, *корзина*, *на ту сторону (моря)*, *копейка*.

¹ Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа / Пер. В. А. Жуковского; ред. коллектив: Ф. З. Канунова (гл. ред.), И. А. Айзикова (подгот. текста и Приложений), свящ. Д. Долгушин (подгот. текста, Приложений и коммент.). СПб., 2008. 566 с.; Новый Завет в переводе К. П. Победоносцева. Репринтное воспроизведение издания 1906 г. СПб., 2000.

² Для удобства мы будем обозначать перевод Жуковского *ПЖ*, а перевод Победоносцева *ПКП*.

Отличием языка перевода Жуковского можно считать то, что автор иногда намеренно сам создает церковнославянизм и использует его, даже если церковнославянский вариант понятен³. Для Победоносцева же основным приоритетом является именно сохранение церковнославянского текста, а изменения он вносит только если славянское слово не удовлетворяет критерию понятности.

Мф. 25, 44–45 *ѿвѣщѣють* / ПКП *отвечают* / ПЖ *ответствуют*;

Ин. 6, 15 *разумѣхъ* / ПКП *уразумев* / ПЖ *предузнав*;

Мф. 7, 25 *возвѣхаша вѣтры* / ПКП *подули ветры* / ПЖ *возиумели ветры*.

Интересен следующий пример, когда Жуковский употребляет лексему, видимо, сочиненную им самим, так как она отсутствует в известных нам словарях⁴.

Мф. 25, 6 *бѣль бѣгѣ* / ПКП *глас раздался* / ПЖ *клик раздался*.

Употребление лексем с характерными для церковнославянского языка фонетическими и морфологическими характеристиками

И Жуковский, и Победоносцев обильно используют лексемы, содержащие неполногласие, начальное *е-* на месте русского *о-*, особые чередования группы согласных в корне, славянский вариант приставок:

Лк. 5, 5 *чреда*, Лк. 5, 31 *здравые*, Ин. 10, 27 *глас*, Лк. 12, 24 *вран*, Мф. 27, 29 *глава*, Лк. 12, 27 *труждаются*, Мф. 25, 7 *востали*, Лк. 12, 7 *изочтены* и др.

Применительно к переводу Победоносцева можно проследить закономерность в употреблении подобных лексем: он использует славянский вариант, если идет речь о возвышенном, а когда отрывок представляет собой прямую речь лиц из народа, содержит повествование не о положительных персонажах или о материальных вещах, автор употребляет русский аналог:

Лк. 12, 7 Но *и влѣи главы вѣшеи вѣи изочтѣни сѣть*. / ПКП *А у вас и волосы на голове изочтены все* / ПЖ *А у вас и влѣсы главы вѣшей все изочтены*.

Характерны отрывки Ин. 10, 3 и Ин. 10, 16. В переводе Жуковского в обоих случаях употреблен славянский вариант с неполногласием, а Победоносцев, различая, о чем идет речь, в первом отрывке употребляет русский аналог, а во втором, где говорится о Христе, – славянский:

Ин. 10, 3 ПКП *дверник отверзает, и овцы глас его слышат* / ПЖ *отворяет придверник, и овцы глас его слышат*;

Ин. 10, 16 ПКП *и глас Мой услышат, и будет едино стадо, и един Пастырь* / ПЖ *и глас Мой услышат, и будет единое стадо и один пастырь*.

Жуковский тоже, наряду со славянскими аналогами, использует русские варианты, но проследить закономерность в таком употреблении нам не удалось. Например, он в равной степени употребляет начальное *е-* и *о-* в слове *един* (*один*), и распределение вариантов, на наш взгляд, не обусловлено контекстом:

Ин. 10, 30 ПКП *Я и Отец – едино*. / ПЖ *Я и Отец – одно*.

Ин. 6, 70 ПКП *один из вас диавол*. / ПЖ *есть между вами единый дьявол*.

Победоносцев учитывал в своем труде опыт Синодального перевода, где соблюдено четкое распределение славянских и русских аналогов в зависимости от контекста. Указанный подход был назван исследователем языка Синодального перевода И. А. Реморовым принципом *стилистической дифференциации контекстов* [2002. С. 247]. Сам Победоносцев в предисловии к переводу пишет: «При соображении о том, где следует оставить слово славянского текста

³ Данная особенность отмечена издателем и исследователем перевода Жуковского священником Дмитрием Долгушиным: «Жуковский не просто воспроизводит Елизаветинскую Библию, он создает собственную языковую палитру. <...> Жуковский иногда, если можно так выразиться, славянизирует церковнославянский текст» [2008. С. 429].

⁴ Мы проверили следующие источники: Словарь церковнославянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской академии наук. Репринт издания 1847 г. СПб., 2001; Дьяченко Г. Полный церковнославянский словарь. Репринт издания 1900 г. СПб., 1993.

и где заменить его ходячим словом, необходимо, думаю, различать, о чем идет речь, и чьи это слова: Иисуса Христа, Евангелиста или лиц из народа» [Победоносцев, 1906. С. VI].

И Победоносцев, и Жуковский допускают в языке перевода употребление церковнославянских вариантов окончаний, суффиксов причастий, особых собирательных форм существительных, церковнославянских числительных, личных форм глагола *быти*:

Мф. 27, 29 из *терния*, Мк. 3, 31, Мф. 25, 34 *царствѣ*, Ин. 6, 67 *двенадесать*, Мф. 25, 40 из *братий*; Лк. 12, 47 *биен*, Мф. 27, *сплещи*, Лк. 12, 46 *лице*, Мф. 27, 29 *колена*, Ин. 6, 48 *есмь*.

Существуют и отличия, касающиеся выбора обоими авторами тех или иных церковнославянских морфологических средств. Например, Жуковский чаще использует некоторые церковнославянские окончания существительных в косвенных падежах, а Победоносцев употребляет особые формы будущего времени:

Мк. 14, 1 ПЖ *через два дни*; Ин. 11, 17 *четыре дни*; Ин. 6, 32 *с небеси* (У Победоносцева – *с небес*);

Ин. 6, 71 ПКП *сей имел предать Его*; Ин. 7, 39 ПКП *Сие сказал Он о Духе, Коего имели принять верующие*; Мк. 16, *Кто веру имет и крестится, спасен будет*.

«Запрет» на использование в языке перевода некоторых общеупотребительных местоименно-служебных лексем

Применительно к переводу Победоносцева – это, прежде всего, союзное слово *который*, названное в авторском предисловии «негармоничным и неуклюжим» [Победоносцев, 1906. С. III]. Действительно, ни разу автор не употребляет эту лексему, используя на ее месте синонимичные слова или изменяя всю конструкцию предложения:

Мф. 27, 55 СП *Там были также и смотрели издали многие женицины, которые следовали за Иисусом из Галилеи, служа Ему*; / ПКП *Были там и жены многия и смотрели издаля, те что следовали за Иисусом из Галилеи, служа Ему*;

Мф. 27, 60 СП *и положил его в новом своем гробе, который высек он в скале* / ПКП *и положил его в новом своем гробе, что высек он в скале*;

Лк. 12, 47 СП *Раб же тот, который знал волю господина своего* / ПКП *Раб же тот, кто знал волю господина своего...*

Жуковский во многих случаях тоже заменяет союзное слово *который* на синонимичные лексемы или употребляет другую конструкцию (обычно с причастием). Например, вышеприведенный отрывок Лк. 12, 47 Жуковский переводит таким образом: *Раб же, ведавший волю господина своего...*

Интересен следующий пример, когда варианты Жуковского и Победоносцева совпадают. Возможно, Победоносцев заимствовал переводческое решение своего предшественника. Для наглядности приведем и церковнославянский текст:

Мф. 27, 61 БЖ *же тѣ маріа магдалина ѿ дрѹгаа маріа, сѣдѣще прѣмѣ грѣба* / СП *Была же там Мария Магдалина и другая Мария, которые сидели против гроба*. / ПКП *Была же там Мария Магдалина и другая Мария, и сидели против гроба*. / ПЖ *Были же там Мария Магдалина и другая Мария, и сидели против гроба*.

В некоторых контекстах Жуковский вводит придаточное предложение с помощью личного местоимения третьего лица и частицы *же*, как в церковнославянском тексте. Победоносцев использует более «русифицированный» вариант:

Ин. 6, 42 ПЖ *И говорили: не Он ли Иисус, сын Иосифов, Его же отца и мать мы знаем?* / СП *и говорили, не Иисус ли это, сын Иосифов, Которого отца и мать мы знаем?* / ПКП *и говорили, не Иисус ли это, сын Иосифов, Коего отца и Мать мы знаем?*

Тем не менее в переводе Жуковского, наряду с церковнославянскими аналогами, нередко встречаются и случаи употребления союзного слова *который*:

Лк. 1, 4 ПЖ *Дабы уразумел ты в основании то учение, в котором ты был наставлен* / ПКП *дабы уразумел ты твердое основание учения, в коем был наставлен*;

Мк. 14, 71 ПЖ *не знаю человека сего, о котором вы говорите* / ПКП *не знаю Человека Сего, о Ком говорите*.

И Жуковский, и Победоносцев избегают употреблять в языке перевода русский подчинительный союз *потому что*. Победоносцев в большинстве случаев использует на его месте синоним *ибо*, а Жуковский и этот союз употребляет крайне редко, предпочитая *понеже*⁵ или *поелику*. Характерен в этом отношении перевод заповедей блаженства (Мф. 5, 3–12): ПЖ *блаженны плачущие: понеже они утешатся* / ПКП *блаженны плачущие, ибо утешатся*. Кроме того, часты случаи, когда Жуковский, с целью избежать употребления указанного подчинительного союза, опускает его, превращая сложноподчиненное предложение в бессоюзное:

Мф. 7, 25 ПЖ *И сошел дождь, и пришли реки, и возшумели ветры, и устремились на дом тот, и не разрушился, и не упал: на камени был он основан*. / ПКП *И пошел дождь, и разлились реки и подули ветры, и устремились на дом тот, и не пал; ибо основан был на камне*.

(Аналогичный пример – отрывок Мф. 14, 24).

Использование в тексте переводов некоторых синтаксических особенностей церковнославянского текста

При сравнении текстов рассматриваемых переводов друг с другом, видно, что синтаксис перевода Победоносцева в целом более приближен к церковнославянскому оригиналу. Прежде всего, это обусловлено стремлением автора максимально, конечно, не в ущерб для понятности и нормативности языка русского перевода, сохранять порядок слов, употребленный в церковнославянском тексте. Жуковский же достаточно творчески относится к построению фразы:

Лк. 12, 42 Вѣрный строитель и мудрый / ПКП *верный управитель и мудрый* / ПЖ *верный и мудрый домоправитель*;

Лк. 12, 45 рече́ть ра́бъ то́й / ПКП *скажет раб тот* / ПЖ *тот раб скажет*.

Победоносцев, близко воспроизводя порядок слов, употребленный в церковнославянском тексте, сохраняет, в том числе, такие специфические его особенности, которые не характерны для русского синтаксиса. Например, он регулярно употребляет подлежащее внутри деепричастного оборота. Жуковский перестраивает такие предложения:

Ин. 6, 5 ПКП *И возведя Иисус очи и видя, что множество народа идет к Нему, говорит Филиппу* / ПЖ *И Иисус, возведя очи и увидя, сколь много народа идет к Нему, сказал Филиппу*.

Кроме того, одной из регулярных особенностей синтаксиса языка перевода Победоносцева, характерной и для церковнославянского текста, является пропуск подлежащего, выраженного личным местоимением. Если подлежащее восстанавливается из контекста или глагольной формы, Победоносцев опускает его. В переводе Жуковского нет такой особенности:

Мф. 27, 12 ПКП *И, когда обвиняли Его первосвященники и старцы, не отвечал ничего*. / ПЖ *И, когда на Него говорили первосвященники и старейшины, Он ничего не отвечивал*.

Лк. 5, 20 ПКП *И видя веру их, сказал ему* / ПЖ *Он же, видя их веру, сказал ему*.

Особенностью синтаксиса перевода Жуковского является сохранение в некоторых контекстах оборота «*дательный самостоятельный*». Победоносцев же никогда не сохраняет указанный оборот, употребляя на его месте придаточное предложение либо предложно-падежную форму:

Мф. 8, 23 ПЖ *И вступившему Ему на корабль, за Ним последовали все ученики Его* / ПКП *И когда вошел Он в корабль, за Ним шли ученики Его*;

Мк. 16, 2 ПЖ *И...приходят на гроб, возсияшу солнцу* / ПКП *И...приходят ко гробу, когда возсияло солнце*.

⁵ По замечанию священника Дм. Долгушина, «Постоянное употребление союза “понеже” вообще является одной из наиболее характерных черт перевода Жуковского...» [2008. С. 430].

Мф. 8, 28 ПЖ *И пришедшему Ему на онпол в страну Гергесинскую, встретили Его два обеснованных / ПКП И когда пришел на ту сторону, в страну Гергесинскую, встретили Его два бесноватые.*

Максимальное приближение к церковнославянскому тексту отрывков, употребляемых в богослужении

Самым характерным в этом отношении является молитва «Отче наш» (Мф. 6, 9–13): в переводе Жуковского она приводится без изменений, а Победоносцев русифицирует только несколько лексем и словоформ: *даждь* – *дай*, *должником* – *должникам*, *яко* – *как*, *еси* просто опускает.

В отрывке Мк. 14, 22, который употребляется на Литургии и касается установления таинства Евхаристии, оба автора без изменений сохраняют церковнославянский текст: *примите, ядите, сие есть Тело Мое*.

Отрывок Лк. 1, 28, содержащий приветствие архангела Гавриила и вошедший в известную молитву «*Богородице Дево, радуйся!*», тоже дан авторами без изменений: *радуйся, Благодатная! Господь с Тобою; благословенна Ты в женах*. В следующем контексте, который представляет собой песнь Богородицы и поется на каждом вечернем богослужении, авторами сохраняются такие элементы церковнославянского текста, которые в других фрагментах всегда переводятся ими: ПЖ *яко* (Лк. 1, 48); ПКП *О Боге Спасе Моем* (Лк. 1, 47); Лк. 1, 50 ПЖ, ПКП *И милость Его в роды родов боящимся Его*.

Таким образом, рассматриваемые переводы являются реализацией одного подхода: приблизить русский текст к церковнославянскому, создав тем самым особый стиль, «достойный» для языка Священного Писания. Авторы воплотили данный подход по-разному, используя свой набор лексических, морфологических, синтаксических средств, реализуя свой взгляд на природу тех или иных языковых единиц, имея при работе различные дополнительные источники. Отличием в основном подходе авторов исследуемых трудов можно считать то, что Жуковский более творчески перерабатывает церковнославянский оригинал, в некоторых контекстах употребляя синонимичные лексемы, по-своему оформляя церковнославянизм, используя собственный порядок слов; Победоносцев же более строго ориентируется на церковнославянский текст, изменяя его только при необходимости следовать критерию понятности и нормативности. Победоносцев высоко отзывался о переводе своего предшественника, но пошел еще дальше в приближении языка перевода к церковнославянскому оригиналу: «Значительного успеха можно было ожидать – и не напрасно ожидали, – от перевода Жуковского. Он был знаток русской речи – не одного только книжного склада, понимал умом и сердцем красоту славянского языка и обладал умением чувствовать и находить гармонию слова. Все эти качества отразились на переводе Жуковского» [Победоносцев, 1906. С. II].

Каждый перевод представляет собой неповторимый и уникальный вариант того особого церковного стиля [Прохватилова, 2009. С. 175], над созданием которого на протяжении всего XIX в. трудились такие крупные ученые и богословы, как, например, митрополит Филарет (Дроздов) [Реморов, 2009. С. 53]. Оба труда были высоко оценены современниками [Балашов, 2001. С. 97; Долгушин, 2008. С. 436], и они, несомненно, представляют интерес не только для историков русского литературного языка, но и для широкого круга читателей ⁶.

Список литературы

Алексеев А. А. Библия. Переводы на русский язык // Православная энциклопедия. М., 2002. Т. 5.

⁶ О повышении интереса к библейским переводам свидетельствует факт изучения и введения в научный оборот ранее не известных и не опубликованных источников. Например, появилось исследование перевода ветхозаветных книг иерея Михаила Фотинского (1806) [Андерс, 2016].

Андерс К. Ю. О стиле перевода ветхозаветных книг М. Фотинского // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2016. Т. 15, вып. 2: Филология. С. 81–86.

Балашов Н., прот. На пути к литургическому возрождению. М., 2001. 507 с.

Глинский Б. Б. Константин Петрович Победоносцев (Материалы для биографии) // Великая ложь нашего времени. М., 2004. С. 3–45.

Долгушин Д., свящ. Новый Завет в переводе В. А. Жуковского: история создания и публикации // Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа / Перевод В. А. Жуковского. СПб., 2008. С. 408–447.

МСЭ – Малая советская энциклопедия. М., 1929. Т. 3.

Победоносцев К. П. Предисловие // Новый Завет в переводе К. П. Победоносцева. СПб., 1906. [Репринт: СПб., 2000]. С. I–VI.

Предисловие [Автор не указан] // Новый Завет в переводе К. П. Победоносцева. Репринтное воспроизведение издания 1906 г. СПб., 2000. С. I–VI.

Прохватилова О. А. Стилистические нормы современного языка Церкви // Судьбы языков: вопросы внешней и внутренней истории. М.: Изд-во ПСТГУ, 2009. С. 174–194.

Реморов И. А. Митрополит Филарет (Дроздов) как редактор Синодального перевода Нового Завета: церковнославянизмы и принцип стилистической дифференциации контекстов // Сибирь на перекрестье мировых религий. Материалы межрегион. конф. Новосибирск, 2002. С. 245–248.

Реморов И. А. Святитель Филарет Московский о принципах русского перевода Священных текстов // Судьбы языков: вопросы внешней и внутренней истории. М.: Изд-во ПСТГУ, 2009. С. 52–68.

Материал поступил в редколлегию 29.06.2016

E. E. Remorova

Novosibirsk State University

1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

e.remorova@gmail.com

**THE RUSSIAN GOSPEL TRANSLATIONS
BY V. ZHUKOVSKY AND K. POBEDONOSTSEV:
TWO VERSIONS OF THE SAME APPROACH**

Purpose: The article is devoted to the linguistic analysis and comparison of the Gospel translation into Russian by V. Zhukovsky (1844–1845) and by K. Pobedonostsev (1906). At that moment there were already published New Testament translations into Russian: the translation of Russian Bible Society (1823) and the Synodal one (1876). Meanwhile, Zhukovsky and K. Pobedonostsev create their own version because they both consider the language of the current texts too far from the Church-Slavonic version.

Results: Both authors aim to make the translation's language as close to the Church-Slavonic version as possible. Therefore, the main characteristic of both translations is the frequent use of phonetic, morphological, vocabulary and syntactic Church-Slavonic text's particularities. However, this mutual approach is realized by the authors in different ways: in particular, Pobedonostsev uses a specific form of the future tense with the auxiliary verb *imet'*; he also strictly follows the Church-Slavonic text's word order. Zhukovsky uses specific case endings and some constructions with *dative absolute*. Furthermore, the Slavonicisms borrowed by the authors from the Slavonic text are different.

For example, Zhukovsky uses without translation such words as *koshnitsa*, *mrezhy*, *mednitsa*; Pobedonostsev translates them, but he retains the words *alkat'*, *vskuju*, *lovitva* etc.

Conclusion: In general, the version of Zhukovsky is more creative than the Pobedonostsev's one: the poet-translator uses his own word order, creates some Slavonicisms by himself, whereas Pobedonostsev strictly follows the Church-Slavonic text, changing it to satisfy the criteria of the Russian text's apprehensibility and normativity. The both translations are unique and represent different versions of the specific church register of Standart Russian.

Keywords: New Testament, translation, V. Zhukovsky, K. Pobedonostsev, Slavonicism, Standart Russian.

References

Alekseev A. A. Bibliya. Perevody na russkiy yazyk [The Bible. Russian translations]. Pravoslavnyaya entsiklopediya [Orthodox Encyclopedia]. Moscow, 2002, vol. V. (In Russ.)

Anders K. Yu. O stile prevoda vetkhovetnykh knig M. Fotinskogo [Stylistics of the old testament translation by Mikhail Fotinsky]. Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya. 2016, vol. 15, № 2: Filologiya, p. 81–86. (In Russ.)

Balashov N., prot. Na puti k liturgicheskomu vrozozhdeniyu [On the Way to the Liturgical Renaissance]. Moscow, 2001, 507 p. (In Russ.)

Dolgushin D., revd. Novyi Zavet v perevode V. A. Zhukovskogo: istoriya sozdaniya i publikatsii [The New Testament Translation by V. Zhukovsky: the History of its Creation and Publishing]. Novyi Zavet Gospoda nashego Iisusa Khrista [The New Testament of Our Lord Jesus Christ]. Perevod V. A. Zhukovskogo. St.-Petersburg, 2008, p. 408–447. (In Russ.)

Glinkin B. B. Konstantin Petrovich Pobedonostsev (Materialy dlya biografii) [Konstantin Petrovich Pobedonostsev (the materials to his biography)]. Velikaya lozh' nashego vremeni [The great lie of our epoch]. Moscow, 2004, p. 3–45. (In Russ.)

Malaya sovetskaya entsiklopediya [Small Soviet Encyclopedia]. Vol. III., Moscow, 1929. (In Russ.)

Pobedonostsev K.P. Predislovie [The Foreword]. Novyi Zavet v perevode K.P. Pobedonostseva. [The New Testament's Translation by K. P. Pobedonostsev] St.-Petersburg, 1906. [Reprint: St.-Petersburg, 2000]. S. I–VI. (In Russ.)

Predislovie [The Foreword]. Novyi Zavet v perevode K. P. Pobedonostseva [The New Testament Translation by K. P. Pobedonostsev]. Reprinted from ed. 1906. St.-Petersburg, 2000, p. I–VI. (In Russ.)

Prokhvatilova O. A. Stilisticheskie normy sovremennogo yazyka Tserkvi [The Stylistic Norms of Contemporary Language of the Church]. Sud'by yazykov: voprosy vneshney i vnutrenney istorii. Moscow, 2009, p. 174–194. (In Russ.)

Remorov I. A. Mitropolit Filaret (Drozdov) kak redaktor Sinodal'nogo perevoda Novogo Zaveta: tserkovnoslavyanizmy i printsip stilisticheskoi differentsiatsii kontekstov. [Metropolitan Philaret (Drozdov) as an Editor of the Synodal New Testament's Translation: Slavonicisms and the Principle of the Stylistic Distinction of Contexts]. Sibir' na perekrest'e mirovykh religii. Materialy mezhr regional'noy konferentsii. Novosibirsk, 2002, p. 245–248. (In Russ.)

Remorov I. A. Svyatitel' Filaret Moskovskiy o printsipakh russkogo perevoda Svyashchennykh tekstov [Principles of Sacramental texts's translation into Russian by St. Philaret of Moscow]. Sud'by yazykov: voprosy vneshney i vnutrenney istorii. Moscow, 2009, p. 52–68. (In Russ.)